

В СТРАНЕ ЛИНДВОРМОВ

От автора
бестселлера
«Пираты Ледового
моря» и лауреата
премии Астрид
Линдгрен

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

МИФ

СЕМ И ИММЕР

У меня есть младший брат. Зовут его Мортимер, ему восемь лет. У него светлые волосы, синие глаза, а на одной щеке ямочка. Он кажется мне лучшим братом в мире, но это просто потому, что я очень его люблю. Иногда он бывает противным, но я всё равно его люблю. А меня зовут Самуэль. Мне одиннадцать лет, и волосы у меня тёмные. Мне кажется, вид у меня самый обычный.

Мы с Мортимером жили у тёти Тюры: она забрала нас к себе, когда наши настоящие родители умерли. Давно это было. Они чем-то заболели — и вот их уже нет на свете. Сначала мы с Мортимером несколько лет жили в приюте. А в один прекрасный день на пороге появилась тётя Тюра, посмотрела на нас своими блёклыми глазами и сказала:

— Теперь, мальчики, вы будете жить со мной.

— А у вас хорошо? — спросил я.

— Конее-е-ечно, — пропела она.

И мы ей поверили.

Стояла весна, светило солнце. Мы шли через весь город в свой новый дом. В канаве росли одуванчики. Мортимер наклонился, сорвал один и протянул тёте Тюре. Стебелёк был коротковат, но Тюра

рассмеялась: «Вот спасибо!» И я подумал: какая она добрая. Хорошо, что мы будем жить у неё.

Но после этого дня тётя уже больше не смеялась. Окна её жилища на втором этаже выходили во двор, да и жить там было не так уж хорошо, как обещала Тюра. В этой тёмной, сырой комнатухе у нас с Мортимером даже кровати не было — мы спали на матрасе за дымоходом. На следующий день тётя Тюра объявила, что мы должны научиться работать: если хочешь, чтобы голод не заглядывал к тебе в дом, нечего сидеть сложа руки. И детям работа найдётся.

Тюра зарабатывала тем, что полировала посуду из нейзильбера — «нового серебра». Поначалу кажется, что «новое серебро», наверное, даже красивее, чем простое старое. Но на самом деле нейзильбер этот вроде ненастоящего серебра, его у нас в одной мастерской делают. Клепают обычный кофейник из сплава, а потом опускают в ядовитую жижу посеребрить. На кофейнике остаётся серебристый налёт, который выглядит как настоящее серебро. Но на самом деле это просто металлический кофейник в нарядной одежке.

Как бы то ни было, Тюра была полировщицей в этой «серебряной» мастерской. Каждое утро она приносила оттуда посеребрённую утварь, на которую следовало навести блеск. Вечером Тюра относила в мастерскую готовые вещи. И чем больше она успевала сделать, тем лучше ей платили.

Этому же ремеслу предстояло научиться и нам с Мортимером.

Тюра зажимала коленями пепельницу и объясняла, как её полировать. Сначала надраиваешь узенькой щёткой с деревянной ручкой. Потом берёшь маленький кровавик, тоже на ручке, и так же усердно трёшь им, пока пепельница не заблестит. А тереть надо очень упорно. «Новое серебро» так просто не отполируешь.

— На одну вещь уходит много часов, — сказала Тюра и сунула пепельницу мне в руки, а Мортимеру вручила сахарницу. — А теперь постарайтесь как следует.

И мы стали полировать посуду.

С того самого дня мы с младшим братом с утра до вечера надраивали пепельницы, сахарницы, кастрюли и кофейники. Мы зажимали их коленями и тёрли так, что руки болели и глаза слезились от тусклого света. Ногти у нас лопались, а от едких паров полироли кружилась голова. Прошёл год, другой, мы выбивались из сил, но мастерская лишь извергала всё новые и новые вещи, которые следовало познакомиться со щёткой и кровавиком, и конца этому не было.

Иногда — когда мы с Мортимером корпели над очередной сахарницей — со двора до нас доносились детские голоса. Другие ребята играли, смеялись, окликали друг друга. Когда Мортимер слышал их, то становился очень серьёзным. Как будто слышал что-то из другого мира, полного загадок и тайн. Если Тюра

выходила на улицу — за дровами или в уборную, — мы с Мортимером сразу бросались к окну, чтобы хоть одним глазком посмотреть на ребят во дворе.

Мы только одним глазком, говорил я. Да, соглашался Мортимер и кивал светловолосой головкой. Но мы почти всегда забывали о времени. Тут-то и являлась Тюра, злая, мечущая громы и молнии из-за того, что мы не надраиваем посуду. Порой ей случалось рассвирепеть так, что она доставала из-за комода мерзкую узловатую палку и отвешивала мне удар. Раз я старший, говорила она, то мне и следить, чтобы мы работали. От удара, конечно, было больно, но пусть, думал я, лишь бы она не напустилась на Мортимера. Я всегда думал, что если она когда-нибудь ударит моего брата, то я вырву палку у неё из рук и побью её саму. Буду бить, пока не лопнет кожа, пока не покажется кровь, пока тётка, рыдая, не скорчится на полу!

Вы, может, скажете, что я скверный человек, раз у меня такие мысли. Не знаю. Знаю только, что очень люблю своего брата. Если бы кто-нибудь стал его обижать, я бы не сдержался. И ещё мне казалось несправедливым, что он целыми днями должен работать не покладая рук. Пусть бы он играл хоть иногда. По вечерам, когда с посудой бывало покончено, мы с Мортимером так уставали, что просто валялись на матрас. Лежали там, в углу, прижавшись друг к другу, и я шептал ему:

— А давай как будто мы ужасно устали.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

— Давай, — отвечал он.

— Потому что весь день играли, — говорил я. — Играли с самого утра.

— Да!

— И так заигрались, что забыли отдохнуть.

— Да, здорово было. Я устал и хочу спать.

А завтра опять побегу на улицу.

— Спокойной ночи, Мортимер.

— Спокойной ночи.

И он засыпал. А я ещё какое-то время лежал без сна, глядя в окно. Смотрел в небо, на белую луну, и думал о чём хотел. Я мало что помнил из того времени. Из времени, которое было до тёти Тюры, до приюта. Помню только две вещи.

Первое — что у нас были другие имена. Не Самуэль и Мортимер. Нас звали Сем и Иммер. Хотя, когда мы стали жить у тёти Тюры, она сказала, что это не так. Что нас всегда звали Самуэль и Мортимер, а Семом и Иммером нас, наверное, кто-то прозвал. Потом тётя Тюра наложила запрет на прежние имена. Не надо цепляться за прошлое, говорила она, тем более что эти имена ненастоящие.

Но я всё равно думал, что Сем и Иммер — наши настоящие имена. Как будто так зовут двух мальчиков, которые всамделишные мы! Мы просто изображаем Самуэля и Мортимера, чтобы тётя Тюра не разозлилась.

Второе, что я помню, — это как я сидел на кухне у кого-то на коленях, и этим кем-то, наверное, была

моя мама. Я не помню её лица, зато помню, как она говорила мне:

— Ты живёшь у меня в сердце.

Я спрашивал:

— Твоё сердце — это дом?

— Да, — отвечала она, — красный домик, и в нём две комнаты. Иммер тоже там живёт.

Я прижимался ухом к её груди и слушал:

— Там что-то громко стучит!

И она, смеясь, объясняла:

— Сем и Иммер прыгают на кровати.

Как часто я вспоминал эти слова! И как часто мне хотелось в домик, где мы когда-то жили. Хотелось сильно, до боли. Каждый день я страшно уставал, но иногда по нескольку часов не мог уснуть. Всё плакал и плакал, потому что не жить нам больше в том красном домике. Мы теперь живём у злой тётки Тюры в уродливом доме из серого камня. А ведь тот красный домик — наш настоящий дом, так же как Сем и Иммер — наши настоящие имена.

Однажды — это было не так уж давно — я плакал и случайно разбудил Мортимера.

— Ты чего плачешь? — спросил он.

— Мне грустно.

— Почему?

— Потому что мы с тобой живём у тётки Тюры. Потому что нам нельзя играть. А ещё потому, что мне нельзя называть тебя Иммером.

— А почему ты хочешь называть меня Иммером?

Я сел на матрасе. Луна светила холодно, меня пробрала дрожь. Я знал, что Мортимер, когда мама с папой умерли, был очень маленьким и ничего не помнит. В ту ночь именно это показалось мне ужасным. Что воспоминания есть только у меня. А вдруг я всё забуду? Потому что если тебе не с кем разделить воспоминания, то откуда тебе знать, что они настоящие?

— Слушай меня, — сказал я и обнял Мортимера. — На самом деле тебя зовут не Мортимер. Тебя зовут Иммер. А меня Сем. Понимаешь? Так нас называли мама с папой. Когда мы ещё жили в красном домике. И целыми днями играли.

— Правда?

— Правда.

Может, я и приврал немного, потому что не помнил в точности, как всё было в то далёкое время. Я просто чувствовал, что, когда мы жили в красном домике, каждый день был счастливым днём.

— Но, — продолжал я, — эти имена нельзя проносить вслух. Мы о них можем только думать. Так решила тётя Тюра.

— Почему она так решила?

— Она думает, что это ненастоящие имена, — объяснил я. — Но мы-то с тобой всё знаем.

Он кивнул.

— Дай честное слово, — попросил я, — что никогда не забудешь, как тебя зовут.

— Честное слово.

Тогда я ещё раз крепко обнял братика в холодном свете луны, ткнулся носом в его светлые пушистые волосы и сказал:

— Мы всегда будем друг другу лучшими друзьями, правда?

И Мортимер ответил:

— Всегда.

Так всё и началось. Из-за наших настоящих имён. Не напомни я Мортимеру, что на самом деле его зовут Иммер, мне и рассказывать сейчас было бы не о чем: ничего бы просто не произошло. Не знаю, поверите ли вы моей истории, потому что приключение вышло удивительное — удивительное и опасное. Но вся эта сказка — чистая правда, и королева Индра говорила мне, что её рассказывали не один, а многие тысячи раз. И по сию пору рассказывают. Каждый день во всех уголках земного шара люди рассказывают её — сказку о стране линдвормов*.

* Линдворм — мифическое существо, напоминающее одноглавого дракона или змея с лапами. *Прим. пер.*

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

